

Ю. В. ИВАНОВА, П. В. СОКОЛОВ

ЕВРЕИ И ГИГАНТЫ БИБЛЕЙСКИЕ СОБЫТИЯ И ВЕРСИИ ИСТОРИИ¹

Статья посвящена взаимоотношениям еврейской и языческой версий истории в конструкции «новой науки» (*scienza nuova*) Дж. Вико. Для прояснения контекстов и импликаций мысли Вико привлекаются тексты двух авторов Сейченко: Исаака Ла Пейрера (сочинения о преадамитах и о «призвании иудеев» в конце человеческой истории) и Самюэля Бошара («Священная География»). Рецепция Вико концепций Ла Пейрера и Бошара рассматривается на примере трактовок у трех авторов таких библейских событий, как строительство Вавилонской башни, появление гигантов и Великий потоп. Авторы ставят себе целью показать, что тексты Вико возникают как палимпсесты из множества в большей или меньшей степени сохраняющих связи со своими контекстами фрагментов разных историографических, богословских и естественнонаучных дискурсов, и прежде всего – протестантской, преимущественно буквалистской, экзегезы и традиции «древней мудрости» (*prisca sapientia*).

Ключевые слова: Джамбаттиста Вико, Самюэль Бошар, библейская экзегеза, барочная гигантология.

На протяжении XVII столетия интерес к истории, культуре и богословию евреев со стороны европейских интеллектуалов претерпевает значительные трансформации — как количественные, так и структурные. В первую очередь, трансформации эти были связаны с прогрессом библейских штудий, и прежде всего в протестантской ученой культуре: масштаб исследовательских проблем в протестантской «эрудитской» библеистике варьировался от монументальной «Священной географии» С. Бошара до очень специальных изысканий, таких, как упоминаемая Вико в «Новой науке» «Диссертация об Уриме и Туумиме» Дж. Спенсера или «Диссертация об Азазеле» И. И. Шредера. Возникает целый жанр трактатов «*De Republica Hebraeorum*» (М. Лейдеккер, К. Сигонио, П. Ван дер Кун), самым известным представителем которого можно считать Спинозу; происходит переоткрытие раввинистической литературы (показательный пример протестантского исследования о талмудической культуре комментария — диссертация Иоганна Давида Мюллера «Об академических диспутациях иудейских ученых»). Отдельно следует отметить две крупные общеевропейские полемики: восходящую еще в XVI столетию дискуссию об огласовках и их роли как для филологи-

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 15-01-0161) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015–2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

ческой эмендации, так и богословской герменевтики библейского текста (И. Буксторф, И. Ландриани) и спор о природе еврейской поэзии (Рафаэле Раббеньо, Бьяджо Гарофало), подготовивший революционную теорию «библейского параллелизма» Роберта Лоута. Разумеется, далеко не всегда обращение к библейскому материалу было обусловлено наличием специального интереса к еврейству: так, дискуссия об огласовках была эпизодом в истории критического метода в филологии, а целью исторической реконструкции древнееврейской политики у Ван дер Куна было предоставить в распоряжение патрициата Соединенных Провинций «архетип идеальной республики». Однако в то же время закономерным результатом описанных выше тенденций стала проблематизация истории и культуры еврейства как самостоятельного, независимого от целей библеистики и «Христианской Каббалы» предмета ученого интереса — от Буксторфа и Ван дер Куна прямой путь ведет к Иоганну Давиду Михаэлису и «геттингенской школе».

Составляя свою «Новую науку о природе наций», Джамбаттиста Вико методически исключал из своих построенных историю лишь одного народа — евреев. Принцип, которым руководствовался Вико, вполне понятен: «Новая наука» имеет смысл только для тех народов, в судьбе которых Провидение являло свою волю опосредованно, через имперсональные, по сути своей, формы устройства общества, — для изучения этих-то форм и служат методы, аксиомы, элементы и прочие разделы и средства этой науки. Но если обратиться «метод познания истории», созданный Вико, на историю евреев, то выйдет, что событийная история этого народа совпадает с потенциальным методом ее изучения. *Scienza nuova* не может распространяться на ту избранную часть человечества, которой Провидение руководило напрямую, пребывая в общении с нею и не прибегая для этого к посредничеству каких бы то ни было установлений — ни языка, ни преданий, ни общественных институций, ни исторически меняющихся норм общежития, т.е. обычаев и законов. И все же, несмотря на нежелание Вико касаться богословских вопросов и участвовать в общественных дискуссиях об истории евреев, внимательный читатель его сочинений, начиная с самых ранних из них — инаугурационных речей, лишь укрепляется в мысли о том, насколько важен библейский бэкграунд для создаваемой им истории наций. Священная история, т.е. древняя история евреев, для Вико обладает превосходством над мифологиями и ранними историями других народов не только с доктринальной точки зрения, но и с эпистемологической. В «О постоянстве филологии» (одном из трудов, который можно считать пролегоменами к «Новой науке...») Вико показывает, что библейская история представляет собой эманацию «геометрической истины» (*verum geometricum*) в социальном мире. Это позволяет ему достичь основной цели создаваемого им «критического искусства» применительно к истории народов: «различить

истину» (*discernere il vero*) в истории наций, компенсировав тем самым «недовершенство человеческой природы» (*incertitudo naturae humanae*)².

Самой древней и наиболее достоверной из всех версий человеческой истории названа история евреев в первой из «частных» аксиом «Новой науки...» (XXIII). Вико пишет: евреи «сохранили исключительно подробные воспоминания с самого начала мира»³ (*han conservato tanto spiegame le loro memorie fin dal principio del mondo*). В этом еврейский народ уникален: начала его истории даны ему непосредственно; для избранного народа не встает проблема памяти и достоверности традиции. Любой перевод этого места неизбежно неудачен, так как скрывает связь *tanto spiegame* («наиболее явным образом») с важнейшей викианской категорией *ragione spiegata* («явленным разумом»), т.е. разумом, достигшим своего акме. Другие фрагменты «Новой науки» еще сильнее подчеркивают контраст священной и светской истории. Так, аксиома XXIV утверждает, что «еврейская религия была основана истинным Богом на запрещении предсказаний, а из них возникли все языческие нации». Далее, само антропологическое устройство евреев радикально отличает их от язычников. Если первые сохранили после Всемирного Потопа нормальное телосложение, как пишет Вико, «благодаря человеческому воспитанию», то вторые вследствие практикуемого ими «звериного воспитания детей» и скотского образа жизни превратились в гигантов: «Основатели Языческой Культуры были, несомненно, людьми из расы Хама – прежде всего, Яфета – несколько позже и, наконец, Сима: один за другим они постепенно отреклись от истинной Религии своего общего отца Ноя. <...> Как звери, блуждали они по великому Лесу Земли... Они блуждали ради спасения от зверей, которыми изобилывал великий Лес, и для преследования женщин, которые в таком состоянии были дикими, неподатливыми и пугливыми. Рассеявшись в поисках пищи и воды, матери покидали своих детей, и последние должны были расти, даже не слыша человеческого голоса и уже, конечно, не воспринимая человеческих обычаев. Поэтому они дошли до совершенно скотского и звериного состояния: в нем матери, как животные, только кормили младенцев грудью и оставляли их голыми валяться в их собственных испражнениях; едва отняв их от груди, они покидали их навсегда. Дети катались в своих

---

² «И эти вещи – если даже оставить в стороне божественную веру, которая, однако же, лучше всякого доказательства, – [Священная история.] являет посредством человеческих рассуждений в той мере, в какой вообще можно усмотреть в них соответствие геометрической истине» (*Atque has ipsas res – praecisa licet divina fide, quae tamen omni demonstratione maior est – tradere humanis argumentis, quantum haec res ad verum geometricum propius accedere patiat, demonstrates*) – Vico. *De Constantia Jurisprudenticis...* 2013. P. 54-55. (*De Const.* cap. VIII). В издании – двойная пагинация: одна воспроизводит нумерацию страниц в изд. 1721 г., снабженном рукописными пометками автора, а другая принадлежит издателю текста; здесь и далее мы приводим номера страниц согласно пагинации издателя.

³ Вико 1994. С. 81.

испражнениях, которые удивительным образом утучняют поля селитрой, с трудом продирались через великий лес, чрезвычайно густой вследствие сырости после потопа. От этих усилий расширялись одни мускулы, вытягивая другие, и потому селитра в большом количестве просачивалась в их тело. Так как у них не было никакого страха перед Богом, перед Отцами, перед Учителями, от чего окостеневают самые цветущий детский возраст, то у них чрезвычайно увеличивались ямы и кости, и она вырастали полными сил и могучими. Так появились Гиганты»⁴.

После превращения в звероподобных гигантов языческому человечеству предстоит еще много столетий скитаться по великому Лесу Земли, прежде чем увлажненная почва не иссохнет и не начнет посылать в воздух «сухие испарения», которые, согласно физической теории, разделяемой Вико, явятся причиной грома и молний. Раскатам грома суждено будет, устранив гигантов, зародить в их сознании религиозное чувство, оно-то и положит начало их «очеловечиванию» (Аксиомы XLI и XLII «Новой науки...»), в т.ч. приведению их тел в такое состояние, из которого никогда не выходили телесно представители еврейского народа.

Еще сильнее подчеркивает различие между евреями и окружающими их народами ветхозаветный институт очистительных обрядов. Характерно соседство в третьей аксиоме двух «золотых мест»: важнейшего для Вико высказывания Диодора Сицилийского о том, что каждая нация стремится представить свою историю как можно более древней, и свидетельства Иосифа Флавия об изоляции еврейского народа от всех других. Топография «Новой науки», не допускающая произвольных соположений, этим соседством недвусмысленно указывает на значимость исключения: именно избранный народ был избавлен от этого универсального свойства человеческих наций. При этом, однако, в тексте трактата Вико можно обнаружить примеры реализации обратного принципа, а именно – стремления сопоставить некоторые разделы еврейской истории с соответствующими разделами историй языческих народов. Так, положение, согласно которому поэзия была древнейшим языком человечества, распространяется и на еврейский народ. В этом видно влияние неаполитанских гебраистов, таких, как Раффаэле Рабеньо. Кроме того, священная история наряду с восемью историями разных языческих наций включена в хронологическую таблицу. Однако такое включение едва ли можно расценивать как стремление уравнивать ее в правах с другими частными историями. Скорее, библейская история евреев, т.е. череда откровений, даруемых Богом Его избранному народу, мыслится Вико как парадигма, позволяющая, исходя из знания примеров прямых действий Провидения, усмотреть общие для всех народов законы развития в тех историях наций, где Оно действовало не прямо, а косвенно – являя себя в формировании и смене общественных установлений людей.

---

⁴ Там же. С. 128.

Викианская «гражданская наука» (*scienza civile*) обращается к целому спектру библейских дисциплин: хронологии, географии, поэзии, политике, а также к некоторым отраслям ранненовременных востоковедческих штудий⁵. Священная история присутствует как палимпсест в тех сочинениях Вико, в которых на протяжении десятилетий формировалась и обретала новые и новые измерения его *новая наука*: от «О постоянстве юриспруденции» (1720-е гг.) до последней версии его *opus magnum*, датированной 1744 г. Проблема присутствия библейских содержания в историко-социологической мысли Вико – как, впрочем, и в современной «гражданской науке» в целом – сохраняет свою актуальность и остается предметом исследований будущего.

Шелдон Волин однажды назвал Гоббсово естественное состояние «своего рода политической версией книги Бытия, лишенной сакральной составляющей и избавленной от понятия греха»⁶. Сходным образом можно было бы определить и викианский проект «достовернейшей критики человеческого произвола». В противоположность Гоббсу, Вико открыто позиционирует свою «философскую филологию» как апологию Священной Истории, направленную против гетеродоксальной версии хронологии, разработанной Джоном Маршемом, Джоном Спенсером и Георгом Хорном, против Спинозистской библейской критики и картезинской библейской физики⁷, а также против преадамизма Исаака Ла Пейрера. Ниже мы остановимся на этой последней теории: мыслитель, оппонентом которого признает себя Вико, сыграл видную роль отнюдь не только в становлении концепции «Новой науки...». Изложенные в его трудах воззрения таковы, что еврейские энциклопедии всего мира до сих пор величают его первым теоретиком сионизма.

Одно из важнейших направлений библейских интересов Вико – роль и ближайшие следствия Великого потопа в первобытной истории человечества. Не будет ошибкой сказать, что Потоп принадлежит к числу парадигматических событий в конструкции *scienza nuova*. На наш взгляд, прояснению интерпретации этого библейского события у Вико может способствовать обращение к трудам его сейчентистских предшественников. Мы коснемся учений лишь двух из многочисленных экзегетов-новаторов этой эпохи, составляющих контекст викианских штудий в области библеистики и древнейшей истории человечества – Исаака Ла Пейрера и Самюэля Бошара. Жизненные и академические интересы, *modus vivendi*, репутации, писательская и исследовательская манера, судьбы научного наследия – всем эти персонажи являют противоположность друг другу. Уже упомянутый нами Исаак Ла Пейрер – яркий идеолог,

⁵ Информативный очерк о Вико и его отношении к библейским штудиям его времени см. в кн.: Mazzotta 1999.

⁶ Thornton 2005. P. 4.

⁷ Rossi 1987. P. 123–131; 168–194.

лелеявший политико-эсхатологические амбиции мессианистского толка, «чужой среди своих» и для христиан, и для иудеев, многократно обвинялся в ереси и в итоге был вынужден произнести публичное отречение от собственных сочинений и выраженных в них взглядов. Самюэль Бошар – книжный червь, «всеми забытый педант», «малопривлекательный в своей учености», произведший «толстенные тома, покрытые пылью»⁸, а на самом деле редчайший высококвалифицированный специалист, чьи труды до сих пор остаются релевантными для историков ономастики и зоологических представлений в Ветхом Завете.

Исаак Ла Пейрер (1594–1676), родом из Бордо, вырос в кальвинистской семье. Он прибыл в Париж в 1630 г. и сделался секретарем принца Конде; был близок с Мерсенном и Гассенди, знаком с Гоббсом. В 1642/43 гг. он пишет сочинения «Преадамиты, или Упражнение в истолковании стихов 12-14 гл. 5 Послания ап. Павла к Римлянам – о первых людях, созданных прежде Адама» (*Praeadamitae, sive Exercitatio super versibus duodecimo, decimotertio et decimoquarto, capitis quinti Epistolae D. Pauli ad Romanos, quibus inducuntur Primi Homines ante Adamum conditi*) и «О призвании иудеев» (*Du Rappel des Juifs* – о «призвании иудеев, которое созиждет Полноту Народов и всеобщее Единение Человеческого рода под Игом сего Иисуса Христа, и под скипетром сего Великого Царя, который должен прийти однажды, дабы Править всеми людьми Земли и одаривать их всеми Благословениями, и Духовными, и Века сего»⁹). «Преадамиты...» вышли в свет анонимно в одной книге с другим трактатом Ла Пейрера, состоящим из четырех книг и представляющим собой развитие идей, содержащихся уже в раннем тексте: «Система теологии, основанная на гипотезе о существовании людей прежде Адама» (*Systema theologicum ex preadamitarum hypothesi*)¹⁰. «Преадамиты...» и «Система теологии...» – сочинения, *Wirkungsgeschichte* которых уникальна: против тезисов Ла Пейрера были написаны теологами десятки трактатов и памфлетов, его упоминает в «Новой науке» Вико, в библиотеке Спинозы был экземпляр его труда. Отправной пункт рассуждений Ла Пейрера – тот пассаж из Послания ап. Павла к римлянам (Рим 5:12-14), где говорится, что смерть вошла в мир через грех одного человека, и в нем согрешили все. «Преадамиты...» и «Система теологии...», по сути, представляют собой развернутый комментарий к этому пассажи, в ходе которого автор, как и положено начитанному в Писании экзегету, обращается ко многим другим фрагментам Писания, позволяющим ему развить толкование интересующего его источника.

⁸ Shalev 2012. P. 146.

⁹ *Du Rappel des Juifs*. MDCXLIII. P. 371-372 (ни автор, ни город издания, ни типография на титульном листе не обозначены, как и у двух других сочинений).

¹⁰ *Prae-adamitae, sive Exercitatio super Versibus decimotertio, & decimoquarto, capitis quinti Epistolae D. Pauli ad Romanos*. MDCLV; *Systema theologicum ex preadamitarum hypothesi*. MDCLV.

По Ла Пейреру, Адам был сотворен в 4004 г. до н.э., но до этого прошло неопределенное количество времени. Событие, которое в Библии описано как сотворение первого человека, на самом деле было ни чем иным, как заключением первого завета или договора (*foedus, pactus*) с Богом, в результате которого человечество оказалось под властью «закона законов, закона как такового» (*lex legum, lex simpliciter*). Согласно Пейреру, истолковывать именование Адама *первым человеком* в буквальном смысле – все равно что понимать буквально именование Христа *вторым человеком*. Он предлагает уподобить судьбу человеческого рода от сотворения его до последнего дня мощному дубу. Корни дерева уходят в недра земли – это символическое изображение людей, живших до Адама от начала времен, и память о них ныне утрачена. Со стволом дуба он сравнивает человечество от Адама до Христа, уподобляемых им двум черенкам, какими садоводы прививают деревья. От первой из таких прививок – Адама – все соки дерева оказываются поражены смертью, но вторая из них, Христос, несет всему растению оздоровление, напитывая его «духом справедливости и жизни» (*spiritu justitiae at vitae*). Адам стал отцом всех людей не в абсолютном смысле (*absolute*), а лишь в одном отношении: потому что все люди согрешили в нем. Он отец всех грешников, подобно тому как Авраам – отец всех верующих. Вопреки традиционному богословскому мнению, Ла Пейрер полагает, что закон (а, следовательно, и грех как нарушение закона) начинается именно с Адама, а не с Моисея. Доказательства тому он находит в Писании. Так, Божие благословение в Быт. 26, по его мнению, подразумевает существование неких древних законов, данных иудеям гораздо раньше Закона Моисеева¹¹, и благословение это обращено не только на «сынов Авраама», но и на его праотцев – потомков Адама. Задолго до Моисея его народу были известны заповеди о Субботе, отделении чистого от нечистого и воздержании от удушливости, равно как и церемонии жертвоприношений и разные установления, связанные с почитанием Бога – Ла Пейрер приводит даже периодизацию истории этих установлений: от Адама до Еноха, «сына Сифова»; от Еноха до Авраама и от Авраама до Моисея. Время жизни Еноха становится здесь водоразделом, потому что в Быт. 4 сказано, что он стал призывать Господа «новым именем», отличным от того, которое произносили Адам и Сиф; Авраам совершил обрезание; Моисею было открыто имя Иеговы, доселе неслыханное у иудеев.

С Адама начинается вторая из четырех эпох, или, по Пейреру, «состояний» (*status*), – эпоха существования человечества «под властью закона» (*status sub lege*), сменяющая существование «под властью природы» (*status sub natura*). Главное открытие, которое приписывает себе Ла Пейрер, – доказательство существования людей до Адама, он верит, что человек был сотворен дважды (*Syst. Theol. I, 6*). Первый раз – «из дурной

---

¹¹ Prae-adamitae... P. 4.

материи» (*creatio ex prava materia*), и это был дурной человек, обуреваемый гнусными страстями. Поэтому оказалось необходимым повторное творение (*recreatio*), т.е. собственно сотворение Адама, которое, с одной стороны, представляет собой собственно создание иудеев (в отличие от творения всех вообще людей, которые были преадамитам), а с другой стороны, маркирует переход от состояния «под властью природы» к «состоянию под властью закона»¹². По Ла Пейреру, закон или завет, заключенный между Богом и Адамом, является не чем иным, как фикцией (*fic-tio*). Нарушение или соблюдение этого завета не влечет за собой никаких «реальных» следствий (в частности, биологическая смерть, по Ла Пейреру, есть следствие не грехопадения, а смертной и испорченной природы человека, в то время как первородный грех повлек за собой лишь «легальную» смерть). Слова, произнесенные ап. Павлом во время выступления в афинском Ареопаге, – «Бог созидил всех людей из единой крови» – согласно Ла Пейреру, не следует распространять на происхождение всего человеческого рода от одного праотца. Апостол, как представляется Пейреру, имел намерение отделить в описании сотворения людей «материю от творения» (*materiam a progenie*): первая создается из крови, второе исходит от Бога. Иудеи были сотворены из той же дурной материи, что и язычники, – из «общей нечистой земли», или даже «общей нечистой грязи» (*terram communem et immundam, luto communi et immundo*), из которой Господь созидил Адама, и, таким образом, они «осквернены кровью первого творения: наги и сыры» (*sanguine creations primae turpato: nudos et expositos*). Но Бог в своей бесконечной благодати очищает их и заключает с ними «союз избранничества», «мистический брак» (*foedus electionis, matrimonium mysticum* – избранию иудеев посвящена вторая книга «Системы теологии...») – отделяет их от остальных людей и собирает в «земле Своей святой, как бы в вертограде заключенном» (*in terra sancta et sua, tanquam in horto concluso*)¹³ (*Syst. Theol. IV, 7*), куда нет доступа язычникам. Однако иудеи нарушают Его заповедь о несмешении с другими народами – так истолковывает Ла Пейрер фразу из Быт. 6:1-4 о союзах между сынами Божиими и дочерьми человеческими. От этих противных Божией воле браков, мистическим результатом которых оказывается смешение божественного начала с человеческим, рождаются, как и следует ожидать, герои (*heroas*) – Гиганты. И тогда Господь решает погубить ту самую землю, из которой взят был Адам, а именно – Палестину, территорию, данную иудеям. Таким образом, потоп, по Ла Пейреру, отнюдь не был всемирным явлением: он был вехой только истории иудеев, но не других народов¹⁴. Кроме

¹² *Systema theologicum...* P. 80sqq.

¹³ *Ibid.* P. 203.

¹⁴ *Quodsi non ad verba sola, sed ad rem ipsam diligentius attendimus: Diluvium illud, Iudaeorum terrae, non toti Mundo, ingruisse, manifestum est* (P. 206. – *Syst. Theol. IV, 1, 7*).

иудеев, жертвами потопа стали также и те из язычников, которые жили, смешавшись (*permixti*) с сынами Божиими, – именно их, как полагает Ла Пейрер, библейский писатель и обозначает словом, в латинской версии Писания передаваемым как *animantia* или *animantes* (живые души). Такова в общих чертах концепция Ла Пейрера, с которой Вико был знаком и против которой, согласно его собственному утверждению, он намеревался вооружить читающую аудиторию своей «Новой наукой...».

Самюэль Бошар (1599–1667), эрудит протестантских взглядов, работал и завоевал признание в Кане в первой половине XVII в.¹⁵ Он был основателем дисциплины, которую нарек «священной географией» (*Geographia Sacra*). Его учителями были, пожалуй, самые знаменитые в ту эпоху ориенталисты и филологи-библеисты: Луи Каппель, известный в первую очередь благодаря его активному участию в *querelle* вокруг огласок в мазоретской редакции Торы, и Ерпеньи, руководивший обучением Бошара арабскому и сирийскому языкам. Перемещаясь от одного центра Республики Ученых к другому, Бошар посетил Оксфорд и Лейден, свел знакомства с Воссием, Хейнсием и Сомезом и изучил около дюжины языков, как популярных в его время (английский и итальянский), так и редких (кельтский, коптский, эфиопский, персидский). На досуге он сочинял стихи по-гречески, заставляя современников восхищаться не только своей эрудицией, но и поэтическим даром. В истории каждой из многих областей науки, к которым ему доводилось обращаться, он оставил заметный след. Бошар был, вместе с Даниэлем Юэ, одним из столпов знаменитой Канской школы библеистики; кроме того, ему принадлежит ревизия «Истории древних Галлов» (*Histoire des anciens Gaulois*) Антуана Гослена. Как отмечал Пьер Бейль, «по всей Европе не сыскать академии, которая состояла бы из столь знающих людей, как академия Кана»¹⁶. Шведская королева Кристина, вдохновленная славой канского эрудита, пожелала, чтобы он сделался украшением ее двора.

Бошар был одним из первых ученых, указавших на наличие следов финикийского языка в греческой трагедии (Plautus, *Poenulus*, V). Он усердно изучал историю и географию пунийских колоний. Финикийским штурдиям он был до того предан, что его современники саркастически отмечали: «Финикийский мерещится ему повсюду»¹⁷. Он стяжал всеевропейскую славу благодаря двум своим *opera magna*: не только «Священной географии» (*Geographia sacra*), но и «Священной истории животных» (*Hierozoicon*). В этих гигантских трудах излагаются две части библейской естественной истории. Отправной точкой рассуждений Бошара в его трактате о священной географии является та же проблема, что волнует и Вико: отсутствие сколько-нибудь достоверных источников

¹⁵ Компендиум труда Бошара содержится в изд.: *Stroumsa* 2010. P. 82–84.

¹⁶ Цит. по: *Smith* 1833. P. 21.

¹⁷ *Ibid.* P. 356.

сведений о примитивной стадии истории человечества – того состояния, для обозначения которого Варрон использует слово *adelon* (*neque enim aliud quicquam superest unde priscarum gentium origines exsculparamus*)¹⁸.

На всем протяжении своего главного труда Вико упоминает имя Бошара лишь дважды, однако в последней версии «Новой науки...» исчезают и эти отсылки, что весьма показательно. В одном случае автор «Священной географии» упоминается с одобрением; в другом же Вико отвергает Бошарову концепцию истории языков, центральное положение в которой занимают язык и история евреев. В соответствующем пассаже Вико реконструирует и сразу же отбрасывает величественный и в высшей степени насыщенный содержанием эпистемологический проект протестантской библеистики: пересмотр Бошаром буквального смысла Писания, «евангелическую демонстрацию» Даниэля Юэ как противоположность картезианскому методу и предложенное Селденом возведение естественного закона к библейскому тексту¹⁹. «Священная География» Бошара, получившая второе «Фалег и Ханаан» (современники и ближайшие последователи часто предпочитали именовать книгу просто «Фалегом») с точки зрения метода историографической работы представляет собой одно из наиболее интересных историко-географических воплощений протестантского буквализма. Изобилие исторических и этимологических деталей, многообразие персонажей и величие замысла позволяет видеть в «Фалеге» соперника «Новой науки...», мнения которого Вико не мог просто обойти молчанием.

Идеи Вико должны были раз и навсегда дезавуировать систему Джона Селдена, провозгласившего, что язычники узнали от евреев естественный закон вечного разума, зиждущийся на семи заповедях, данных Богом сыновьям Ноя. Они должны были опровергнуть и «Фалег» Бошара, в котором говорится, что Священный язык был передан евреями другим народам и в их среде подвергся затем искажениям и порче. Они были призваны также развенчать «*Dimostrazion evangelica*» Юэ (шедшего по стопам Бошарова «Фалег»), в то время как сам Бошар следовал системе Селдена) – ту самую «евангелическую демонстрацию», в которой многоученный муж силился заставить читателей поверить, будто мифы народов мира суть не что иное как сюжеты из Священной Истории, до неузнаваемости искаженные язычниками, и в особенности греками²⁰.

¹⁸ *Bocharti S. Op. cit. Praefatio, s.p.*

¹⁹ О перечисленных здесь авторах см.: *Shelford 2007; 2002.*

²⁰ «Le quali cose tutte ad un colpo devono rovesciar il sistema di Giovanni Seldeno, il quale pretende il diritto naturale della ragione eterna essere stato dagli ebrei insegnato a' gentili sopra i sette precetti lasciati da Dio a' figliuoli di Noe, devono rovesciare il Faleg di Samuello Bocarto, che vuole la lingua Santa essersi propagata dagli ebrei all'altre nazioni e tra queste fossesi diffornata e corrotta; e finalmente devono rovesciare la Demostrazion evangelica di Daniello Uezio, che va di seguito al Faleg del Bocarto, come il Faleg di Bocarto va di seguito al sistema del Seldeno nella quale l'uomo eruditissimo s'industria di dar

По справедливому замечанию Арнальдо Момильяно, подход Вико к Священной Истории в первые десятилетия XVIII в. выглядел уже устаревшим, он был бы уместен, скорее, в протестантских библейских штудиях 1660-1670 гг., чем среди современных Вико дискуссий об этрусских древностях и мартириях (*acta martyrum*)²¹. В самом деле: у Вико и таких эрудированных авторов эпохи барокко, как Бошар, было много общих предпосылок и проблем. Так, и для Бошара, и для Вико в Священной Истории, в отличие от истории язычников, заключены основания *status exlex* (состояния беззакония) человечества²². Достоверность исторических свидетельств явлена в сущности еврейского языка как такового, поскольку использование исторического (прошедшего) времени есть одна из основных характеристик еврейской грамматики²³.

Для Бошара, наследника долгой традиции протестантской герменевтики и эпистемологии, библейский текст служил краеугольным камнем достоверности, которую темперамент греков обратил в нелепые басни (*ad ridiculas fabulas devolvuntur*). Методологический принцип, из которого Бошар исходит в своей *географии*, – «истинное всегда изначально, а неверное – вторично»²⁴ – он заимствует у Тертуллиана. Обращаясь к самому началу истории наций, Бошар высмеивает самые известные языческие мифы о происхождении людского рода:

«И вот, одни рассказывают о себе, будто они произошли от скалы и дуба, другие – от грибов, третьи – от цикад, иные – от муравьев, а есть и такие, что из драконьих зубов. Кто же сочтет для себя возможным изучать корни и истоки других народов от тех, которые столько лгут о собственном происхождении? А значит, остается лишь одно – прибегнуть к священному якорю, то есть к Писанию (...) из одной главы Моисеевой, если только понять ее правильно, можно извлечь сведения о началах народов более многочисленные и достоверные, чем из всех, сколько их ни возьми, памятников древнейших племен»²⁵.

a credere che le favole siano sagre storie alterate e corrotte da'gentili e sopra tutti da' greci". – Vico 2004. P. 415.

²¹ Momigliano 1966). P. 4.

²² "Nulla profanarum historia genus humanum exlex, tum ante, tum post Diluvium, ante omnes respublicas fundatas omnesque leges positas, sub theokratia egisse, explicatus narret". – Bocharti MDCLXXXI. Praefatio.

²³ "Alterum: quod ipsa historia ipsis linguae perpetuitatem servarit, quod illud evincit – hebraeae linguae eruditus in eius caussis hactenus inobservatum – quod rectum verborum, uti graecis latinisque est tempus praesens, ita hebraeis est praeteritum, tempus proprium historicorum, et tertiae quidem personae" (*Ibid.*).

²⁴ "Id esse verum quodcunque primum, id esse adulterum quodcunque posterius (Tertullian versus Praxeas). Necessae enim est ut veritas sit prior mendacio, cum mendacium nihil aliud sit quam corruptio veritatis" (*Ibid.*).

²⁵ "Atque alii se ex quercibus aut lapidibus, alii ex fungis, alii ex cicadis, alii ex formicis, alii ex draconis dentibus se fabulantur ortos. Quis porro gentium aliarum incunabula & primordia edoceri posse se putet ab iis qui de propria origine talia mentiuntur? Itaque hoc restat unicum, ut ad sacram anchoram hoc est ad Scripturam confugiamus... ex uno capitulo

Такой взгляд на Священное Писание и мифологии язычников вполне допускает сопоставление с идеей, артикулированной в главе «О методе» «Новой науки» Вико: «Для полного установления Оснований нашей Науки нам придется обсудить в первой Книге метод, которым она должна пользоваться. И так как она должна начинать с того, с чего начинается ее материал (как это было сказано в Аксиомах), то мы принуждены отправляться, как и Филологи, от камней Девкалиона и Пирры, от скал Амфиона, от людей, рожденных бороздами Кадма или «крепким дубом» Вергилия; и как Философы – от лягушек Эпикура, от кузнециков Гоббса, от простаков Гроция, от брошенных в этот мир без всякой божьей заботы и помощи – Пуфендорфа, от грубых дикарей, так называемых Патагонских гигантов, которые, как говорят, были найдены у Магелланова пролива, т.е. от Полифемов Гомера, принятых Платоном за первых Отцов в состоянии Семей (такова Наука об Основаниях культуры, данная как Филологами, так и Философами!)»²⁶.

Это дерзкое утверждение сознательно противопоставлено широкому спектру теорий об основаниях человеческого общества и объемлет их все, одновременно вступая в разительный контраст с упомянутым выше пренебрежительным отношением к языческой историографии и мифологии у Бошара. Вико был в высшей степени чувствителен к провокативной сущности вопроса об истоках (*principia*). Так, радикальное переосмысление мнений язычников о началах человеческой истории у Вико идет рука об руку с высмеиванием конкурирующих с его собственным учением о началах, развиваемых в рамках истории идей à la Якоб Брукер²⁷. В «Королларии об основных точках зрения нашей Науки», равно как и в «Объяснении Поэтической Мудрости» – т.е. в наиболее методологически важных разделах «Новой науки...» – Вико дает знаменитое определение его науки как «истории идей» (*terzo principale aspetto è una storia d'umane idee*) и делит все принципы этой науки на две части: к одной принадлежат те, что относятся собственно к истории идей, к другой – те, что относятся к истории языка (*principi divisi in due classi, una dell'Idee, un'altra delle Lingue*). Вместе с тем, основные представители зарождающейся истории философии, которая в XVII столетии становится автономным жанром научной литературы, – Якоб Брукер и Георг Хорн – подвергаются резкой критике в *opus magnum* Вико²⁸.

Mosis, si modo recte intelligatur, multo plura & certiora possint erui de populorum originibus, quam ex omnibus quotquot supersunt vetustissimarum gentium monumentis” (*Ibid.*)

²⁶ Вико 1994. С. 112.

²⁷ О ранненововой истории идей см.: Models of the History of Philosophy. Vol. II; Schmidt-Biggemann, *Stammen* 1998.

²⁸ Имя Брукера Вико не называет ни разу, довольствуясь упоминанием его главного сочинения – «Истории учения об идеях» (*Historia doctrinae de ideis*), зато Хорн входит в пандемониум отрицательных персонажей «Новой науки» на равных правах с Макиавелли, Гоббсом, Зельденом и другими вредоносными авторами.

Одна из ключевых фигур, заимствованных Вико из эрудитской гигантологии Бошара и использованных им для нужд его новаторской гражданской науки, – Немврод, сын Хуса и внук Ноя. Некоторые языческие и христианские авторы считали Немврода участником возведения Вавилонской башни, однако Бошар обнаружил хронологическую несостыковку, которая делает его присутствие при этом строительстве невозможным: согласно предпочитаемой им версии хронологии, когда строительство совершалось, будущий «великий охотник» был маленьким ребенком, а возможно, даже и вовсе не успел появиться на свет, следовательно, абсурдно было бы возлагать на него ответственность за вавилонский грех (*peccatum Babel*). Ошибка возникла из-за смешения понятий, использованных разными авторами в их описаниях Немврода, с одной стороны, и строителей башни, с другой. Строителей считали гигантами, и тот же эпитет был распространен на будущего предводителя вавилонян по недоразумению: традиция именовала гигантов сынами земли – и то же самое говорится в кн. Бытия (Быт. 10:11) о Немвроде²⁹. Согласно преданию, гиганты затеяли войну против Бога. В Писании же Немврод назван «великим ловцом перед Господом» (*venator coram Domino*) – для целого ряда авторов этого достаточно, чтобы утверждать, что он был «воин против Господа» (*bellator contra Dominum*) (Бошар не называет авторов, имевших намерение очернить образ Немврода – возможно, потому, что они обладали слишком высоким авторитетом: среди

В разделе «О Поэтической Географии» поводом для насмешки со стороны Вико становится анахронизм, допущенный Хорном в датировке жизни скифа Анахарсиса, которого древняя мудрость (*prisca sapientia*) превратила в одного из создателей философии. В «Новой науке» есть не только явные, но и имплицитные критические выпады против брукеровской версии истории философии, ассоциированной с естественнонаучным знанием. Среди «Примечаний к Хронологической Таблице» под литерой *Kk* мы обнаруживаем упоминание о Фалесе Милетском – отце-основателе ионийской философской школы (*secta ionica*) и, тем самым, философии вообще, с точки зрения таких историков, как Брукер. В протестантской историографии начинать историю философии с Фалеса становится общим местом (очевидно, что такая генеалогия восходит, в конечном счете, к Диогену Лаэртскому, однако Диоген приводит длинный перечень «восточных» предшественников Фалеса, которые не удостоились места в каноне критической истории философии). И Вико тоже полагает, что Фалес был основателем философии, и считает его физиком. Но Фалесово открытие одного из физических первопринципов – воды – намеренно помещается в «сниженный», тривиально-бытовой контекст: «И начинает он с Принципа слишком нелепого, с воды, может быть, потому, что наблюдал, как благодаря воде растут тыквы» (*e cominciò da un principio troppo sciatipo – dall'acqua, – forse perché aveva osservato con l'acqua crescer le zucche*). Таким образом, рождение физики здесь представлено как событие случайное и даже анекдотическое, а Фалес становится комическим персонажем, который едва ли заслуживает в пантеоне основателей наук почетного места, отведенного ему такими авторами, как Брукер. Так ирония Вико дискредитирует «первоначала» «новых наук», конкурирующих с его собственными построениями. Подробнее о традициях ранней «истории идей» см.: *Blackwell* 1997.

²⁹ *Bocharti S. Op. cit. P. 52.*

них был, к примеру, св. Августин). Далее, языческая традиция гласит, что строители башни имели целью достичь небес и вскарабкаться на них. Но это мнение противоречит как здравому смыслу, так и букве Писания. Едва ли можно вообразить, будто люди, обладавшие познаниями и способностями, достаточными для возведения столь сложной конструкции, какой должна была стать пресловутая башня, были так глупы, чтобы не осознавать всей нелепости собственной идеи. Бошар пытается соединить фрагменты древней традиции, чтобы реконструировать универсальный миф – плод коллективного воображения евреев и язычников. Описывая строительство башни и рассеяние народов, Моисей пользуется словами, которые могут быть переданы латинскими “*dissipare et confringere*”. Бошар ссылается на халдейскую традицию, согласно которой вавилонское смещение сопровождалось серией явлений, подобных тем, о которых говорят Овидий в «Фастах» (1,5,35) и Лукреций в поэме «О природе вещей»: блистание молний, раскаты грома, буря³⁰.

По Бошару, Немврод назван лучшим охотником в мире потому, что его считал таковым сам Всемогущий Бог. Еврейское речение о нем он предлагает переводить как «стал могущественным на земле» (*coepit esse potens* בָּנָה in terra) – и отвергает греческую версию: ἦρξάτο εἶναι γίγας ἐπὶ τῆς γῆς – «стал великаном (гигантом) на земле». Более того, из следующего стиха – γίγας κυνηγὸς ἐναντίον κυρίου τοῦ θεοῦ, «он был могучим охотником перед Господом» – Бошар предлагает исключить слово γίγας по приведенным выше соображениям, и передает значение предлога ἐναντίον («против» или «прежде») как «в глазах Бога». Согласно Бошару, текст Септуагинты можно было бы счесть адекватным оригиналу, если бы Моисей имел в виду лишь физическую форму Немврода, но Моисей «повествует о величайших деяниях, совершенных силами не столько тела, сколько души» (*res gessit maximas, non tam corporis quam animi viri-*

³⁰ «И затем Бог, подняв ветры, уничтожил и произведение, и его создателей. Это известно из халдейской истории, в которой можно было прочесть, что таковое уничтожение совершилось *четырьмя ветрами с небес*, то есть по четырем сторонам света, или *по лицу всей земли*, как говорится в Быт. II.8.9. Но переводчики поняли так, будто говорилось, что уничтожение совершилось при помощи ветров. 6. Это потому, что רָעַד, или רָעַד, – слово, которое здесь использует Моисей, – означает не только «уничтожать», но и «рассеивать», откуда и название молнии – רָעַד (Исайя, 30:30). Говорят, что все строение было разрушено и низвержено. И у Вениамина почти так же: сброшен был огонь с небес на самую башню» (Бошар имеет в виду Вениамина Тудельского, испанского еврея, знаменитого путешественника, жившего в XII столетии и оставившего книгу о своих странствиях) (*Sequitur Deum ventis immissis tam ipsum opus quam opifices dissipasse. Sumptum id ex historia Chaldaica in qua legebatur facta fuisse haec dissipatio per quattuor ventos coelorum, id est in quattuor mundi plagas, vel super faciem omnis terrae, ut habetur Gen. II.8.9. Sed interpretes sic acceperunt, ac si dissipatio facta fuisse diceretur ventorum ministerio. 6. Denique quia רָעַד vel רָעַד, quo verbo hic utitur Moses, non dissipare solum sed & confringere significat, unde est quod fulmen vocatur רָעַד Esa 30, 30. Ajunt totum opus confractum & subversum fuisse. Nec multo aliter Benjamin. ignis in medium turris coelitus delapsus est*) (*Ibid.* P. 106).

bus). Ради усиления аргументации Бошар подвергает критике греческую версию библейского текста, исследуя комментарии грекоязычных авторов к речениям, в которых описывается Немврод, и предлагая собственные варианты перевода, которые кажутся ему лучше отвечающими авторской интенции. В главах, посвященных строительству Вавилонской башни, Немврод из безумного в своей дерзости гиганта становится положительным персонажем – культурным героем. До его появления в Вавилонии населявшие ее люди пребывали в убогом состоянии: они жили в лесах и на равнинах, прячась в своих жалких жилищах от свирепых хищников (образ, повторенный Вико в разделе «Новой науки» «О Всемирном Потопе и о Гигантах»). Немврод, отважный охотник, защитил их от диких зверей, собрал вместе и установил над ними свою власть, т.е. основал цивилизацию там, где прежде примитивные племена вели бродяжническую жизнь. Таким образом, Бошар стремится очистить своего героя от всех возведенных на него другими авторами обвинений – и в первую очередь он оспаривает перевод эпитета “*venator coram Domino*” словами “*bellator contra Dominum*”, а также устанавливает этимологию имени персонажа: возведение имени Немврода к слову *marad, ribellio*, должно быть переосмыслено. Могущественный государь халдеев заслужил свое имя благодаря тому, что возглавил множество военных походов против врагов, «более или менее сильных», чем был он сам³¹.

Появление Немврода знаменует собой поворотный момент в истории человечества – переход от серебряного к медному веку – «здесь начинается тот третий возраст, который поэты называют медным веком» (*ab eodem initium sumpsit teria illa aetas quam aeneam Poetae vocant*)³². «Сначала охотник, затем воин, он обратил свою мощь от зверей на людей и путем тирании установил власть над ними» (*primo venator, mox bellator, vim suam a feris convertit in homines, & per tyrannidem imperium sibi erexit*) – Немврод, придя из Аравии, те умения, которые приобрел, будучи еще охотником, употребил ради завоевания и усмирения (*ad debellandos*) народов Вавилона, Сузианы и Ассирии³³.

³¹ «Очевидно, что тот, кого от «мятежа» – ибо он восставал или против сильнейших, или против равных себе, – звали Немвродом (то есть мятежным), утвердив свою власть, начал называться от «господства» – Ваал и Бел, – господином» (*Nempe qui a rebellionem qua vel in superiores vel in pares insurrexerat, dictus fuerat Nimrod, id est rebellis, idem a dominio baal & bel, id est dominus, post stabilitum imperium vocari coepit*) (*Ibid.* P. 264).

³² *Ibid.* P. 256.

³³ «И те же сметливость, мужество и силы, которые позволяли ему нападать на ужасных зверей, пошли в ход, когда он решил воевать против людей. Заручившись дружеским к нему расположением и ловкостью юношей, к чьей помощи он прибегал во время охоты, осмелился он посягнуть на большее и, обратив силы от зверей против людей, стяжать власть над соседними народами – а именно, над Вавилонией, Сузианой и Ассирией» (*Et qua industria, quo animo, quibus viribus aggressus est imanes feras, iisdem utitur cum res postulat ad debellandos homines. Qua benevolentia fretus, &*

Другим великим достижением, связанным с именем Немврода, был раздел земельных угодий. В эпоху деда Немврода Ноя, которого Бошар отождествляет с Сатурном, вся земля находилась в коллективном владении (*arvis nondum divisis*). Немврода воспринимали как фигуру исключительного культурного значения еще авторы Средневековья, и среди них Данте. Вспомним, что в «Божественной комедии» гигантам приписывались одновременно мощная познавательная способность, огромная сила и при этом воля, направленная ко злу (*dove argomento de la mente / S'aggiunge al mal volere e a la possa*). Немврод характеризуется у Данте как «безумная душа» (*anima sciocca*), ибо, будучи наделен знанием (*scientia*), он оставался напрочь лишенным мудрости (*sapientia*). Это же сочетание свойств, хотя и не артикулированное достаточно отчетливо, мы обнаруживаем у Немврода – персонажа Вико. В тексте Бошара различимы обертоны, знание которых позволяет нам воспринять пассажи Вико с участием Немврода как экзегетический палимпсест. Претендуя на раскрытие истины древних мифов, упущенной из виду близорукими педантами, подобными Бошару, Вико (в противоположность, например, близкому ему Пьетро Джанноне) никоим образом не пытался подвергнуть сомнению авторитет Священного Писания. Наоборот: он позиционировал себя как его защитник. Но на самом деле эпистемологический статус библейского аргумента у Вико далек от ясности и недвусмысленности³⁴. Неизменное намерение Вико – отделить евреев от язычников – встречает одно весьма существенное препятствие: историческую судьбу еще одного народа – халдеев.

Народы Древнего Востока – ассирийцы, халдеи и персы – представляют собой парадоксальное сочетание нечестия и блестящего прогресса наук: «Хотя и у ассирийцев, и у персов в обычае были незаконные сожителства, словно у диких зверей, однако же Гигантов среди них больше не было, ибо Магия вскоре возвратила им Гражданские ремесла. И до сих пор об этом говорится в сказаниях о Гигантах, которые были не совсем в ладу со Священной Историей и отныне пусть обратятся к Науке Филологии, а не к пустому многознанию»³⁵.

Этому может быть противопоставлено обнаруживаемое у Вико поствествование о вавилонском смешении языков: «И то обстоятельство,

---

expedita manu juvenum quorum opera usus fuerat ad ferarum ventationes, ausus est majora moliri, & et conversis viribus a feris in homines, imperium in vicinos populos usurpare, Babyloniam scilicet & Susianam, & Assyria) (*Ibid.*).

³⁴ Мы сделали попытку показать это в нашей работе, посвященной «аксиоме о потопе»: Sokolov 2014.

³⁵ Nefarii concubitus inter Assirios, ac proinde inter Persas ex eo ferino cultu servati, sed Gigantes cessere; quia iis Magia cito Civiles artes restituit. Atque haec de Gigantibus hactenus in fabulis habita, quae cum Sacra Historia non bene conveniebant, dehinc Scientiae Philologiae, non vanae eruditioni subservient. – Vico G. De Constantia... P. 64 (De Const. cap. IX).

что Халдеи, хотя память о допотопном человечестве сохранялась у семитидов, вскоре открыли ремесла вновь, доказывает Вавилонское Смешение языков: ибо, хотя они и знали вещи, однако же после Смешения не могли их назвать соответствующими каждой из них словами, а потому, движимые той же нуждой, что и все другие люди Земли, лишенные речи, они обозначали эти вещи посредством героических Символов»³⁶.

В противоположность другим языческим народам, халдеев не постигла природная катастрофа, они не были испелены молниями – им довелось пережить лишь деградацию языка, спровоцированную вавилонским смешением. Исполненные нечестия магические искусства, в чем-то подобные дивинации и прорицаниям яфетических народов, позволили халдеям сохранить науку, социальность и гуманность в условиях уклонения от истинной религии. Более того: через халдеев «допотопная гуманность» и «тайные науки» (*interiores disciplinas*) достигли их соседей – сначала финикийцев, а затем и египтян. Помимо этого, халдеи узнали нечто подобное грому с небес, спровоцировавшему «очеловечивание» других народов. Их божества являли им свою волю не в раскатах грома, а в извращенном суждении разума в процессе почти научного созерцания небесного лика: «и так они, наблюдая движение небесных тел, вообразили, будто небо – это и есть бог, и подчинились магии – этому если и не истинному, то, во всяком случае, требующему учености роду дивинации» (*ita caelum a syderum motibus sibi finxere deum, atque in id, etsi non verum, saltem doctum divinationis genus concessere, magiam*). Итак, для халдеев не страх, а наука послужила импульсом к возникновению социальности. Если не сбрасывать со счетов эту исключительность цивилизации халдеев, развитие которой проистекало где-то между мирами евреев и язычников, библейское событие смешения языков кажется еще более трудным для истолкования. Прежде всего, чтобы уловить смысл, присваиваемый автором «Новой науки» этому событию, мы должны принимать во внимание свойства библейских гигантов: эти гиганты, жившие как до, так и после потопа, выступают основателями великих городов древности (гиганты-идолопоклонники, разбросанные по городам – *idolatri giganti, divisi per le città*)³⁷. В трактате «О постоянстве филологии» Вико заимствует у Бошара и развивает идею, согласно которой гиганты, рожденные от «сыновей Бога», были не демонами-инкубами, а всего лишь детьми от браков между потомками Сифа и нечестивыми отпрысками Каина. Примечательно, что эти последние оказались более цивилизованными и более привлекательными для бла-

---

³⁶ Et quod *Chaldaei*, quanquam memoria antediluvianae humanitatis per Semitidas conservata, artes mature invenerunt; ea res demonstrat Babyloanicam linguarum Confusionem: nam licet res nossent, tamen post Confusionem appellare suis quasque vocabulis non potuerunt: quapropter eadem necessitate adacti, qua infantes reliqui Orbis homines, per Characteres heroicos significabant. – Ibid. P. 83-84 (De Const. cap. XIII).

³⁷ Vico 2014. P. 54 (далее это изд. обозначено как *SN 1725*).

гочестивых правнуков Сифа, чем их собственные родичи: «Эти женщины, по всей видимости, принадлежали к числу потомков Каина, который основывал города, как свидетельствует о том Священная История, и они должны были быть не только более опрятными, но и изящными»³⁸.

Все это позволяет заключить, что библейские гиганты вовсе не были похожи на звероподобных чудовищ (*bestioni*), рожденных в грязи, и *urbanitas* каинитов должна была каким-то образом унаследоваться послепопным миром.

Как справедливо заметил Энтони Графтон, Вико слишком серьезно относится к своим гигантам. Наследуя очень долгой традиции эрудитской гигантологии, от св. Августина до Огюстена Кальме, Вико делает из своих гигантов «лоскутные куклы, големы, собранные из множества фрагментов разного происхождения»³⁹. Например, свойственная им боязнь небесного грома и огромные размеры их тел – эти образы заимствованы из V книги Лукреция. Однако некоторые общие места гигантологии Вико оспаривает или просто опускает: так, он не принимает ни теории мистического происхождения гигантов, ни «скорее остроумной, нежели здоровой» идеи, согласно которой само имя гигантов должно пониматься только в метафорическом смысле – в значении «тираны народов». Вико ничего не говорит о знаменитом Оге Васанском, и, кажется, вовсе не задумывается о том, жили ли гиганты до потопа⁴⁰.

Вико обходит вниманием и большую часть Бошаровой аргументации, касающейся Немврода. В противоположность канскому ученому, он приписывает Немвроду гигантский рост (*gigantea statura*) и не дает нам никаких оснований думать, что ему было что-то известно о теории родства образов Вакха – Загрея – Немврода, разделявшейся Бошаром. Вышеупомянутая методологическая диспропорция, касающаяся путей анализа мифологии у Вико и Бошара, равно как и замалчивание некоторых аргументов Бошара, противоречащих ходу рассуждений Вико, могут быть объяснены по-разному. Их можно отнести на счет присущей Вико «почти беспредельной способности к искажению чужих слов»⁴¹ и перетолковыванию источников. Можно думать, что знание Священной Географии не стояло для него на первом месте, или что он вполне сознательно отбрасывал не вписывающиеся в его концепцию аргументы. Наиболее характерная лакуна, касающаяся Вавилона, – это отсутствие в соответствующих пассажах у Вико упоминаний о ветре и грома, сопровождавших разрушение Башни согласно *Chaldaica traditio*, которой следует Бошар. Возможно, Вико поступает так потому, что картина бури

---

³⁸ «Has foeminas a Caini posteritate fuisse necesse est, qui cum urbes fundasset, ut Sacra quoque testatur Historia, ex ejus gente foeminae nedum mundiores, sed elegantes fuisse, quoque necesse est». – *Vico G. De Constantia...* P. 63 (De Const. IX).

³⁹ *Grafton* 2001. P. 275.

⁴⁰ *Stephens* 1984.

⁴¹ *Momigliano* 1966. P. 9.

могла бы отсылать к Юпитерову откровению и, следовательно, вести к смешению этих разных рядов событий.

Первое раннее упоминание о Немвроде у Вико довольно традиционно – библейский персонаж обвиняется в «рассеянии» народов: «Божество наказало грех первого родителя, разобцив, разъяв, рассеяв человеческий род, от него происшедший. Ибо оно по столь многим родам языков у нечестивых, понесших на себе кару Немврода и рассеянных по всей земле, отделило людей друг от друга и <...> пожелало, чтобы у одних и тех же народов языки предков не были известны потомкам»⁴².

Но в позднейших сочинениях Вико Немврод – персонаж странный: во-первых, он единственный вошедший в священную историю гигант, живший непосредственно после потопа, и Вико причисляет его к «народам, называвшимся Емимы (*emim*) и Замзумимы (*zomzommim*) – «по объяснениям ученых библеистов, эти названия обозначают Гигантов (одним из них был Немрод)»⁴³. Отпрыск рода Хамова, он стяжал власть над потомками Сима; несмотря на свой гигантский рост и бунтарский темперамент, он правил народами, обладавшими познаниями в астрономии, а не звероподобными чудовищами (*bestioni*), едва способными изъясняться по-человечески, – или, во всяком случае, не только ими. В фигуре Немврода «бесчестие беззаконного мира» встречается с цивилизацией в состоянии упадка.

В «Новой науке...» есть знаменитое описание гигантов как цивилизующей силы: они основывают города и совершают раздел земель, устанавливая свою патерналистскую власть над плебеями и прочими беззащитными и слабыми. Однако Немврод правит не полудикими людьми, а халдеями, цивилизованными и к тому же весьма многочисленными («десятки тысяч людей могли родиться», согласно калькуляции Вико), – так общество, в котором царит вырожденная рефлексия, встречает свирепого культурного героя.

Халдеи с Немвродом во главе составляют интеллектуальную элиту среди ассирийцев (*chaldaei inter assyrios <...> soli legum linguam callebant*) и предоставляют в распоряжение «истории наций» остатки своей цивилизации (*frantumi dell'antichità*⁴⁴). Вмешательство Немврода становится причиной экстраординарного политико-лингвистического события: халдеи теряют присущую им ранее способность обозначать вещи их собственными именами, и язык «магических письмен», которым они владели, уступает место языку «героических письмен». Это

⁴² «Numen primi parentis peccatum puniit, ut humanum ab eo propagatum genus dissociaret, disiceret, dissiparet. Nam tot linguarum generibus in impiis, Nemrotis poenam invectis et per universum terrarum orbem diffusis gentes alias ab aliis seiunxit: et <...> in iisdem quoque nationibus maiorum linguas posteris voluit ignoratas». - *Vico G. Orationes inaugurales. Oratio VI*, http://www.intratext.com/IXT/LAT0595/_P1.HTM.

⁴³ Вико 1994. С. 129.

⁴⁴ *SV* 1725. P. 52–53.

повествование звучит странно, если сравнить его с обнаруживаемыми далее в тексте Вико словами: «героический язык, который обозначал вещи в соответствии с их природой и так подлинно, как это возможно» (*lingua heroica, quae res apposite ad rerum naturas et, quantum fieri posset, proprie significabat*). Таким образом, остается не ясно, обозначал ли героический язык вещи в подлинном смысле или нет. В «Новой науке...» эта двусмысленность получает разрешение: героические символы идентифицированы с тропами и фигурами речи – «подобиями, сравнениями, образами, метафорами и естественными описаниями»⁴⁵. Но можно доподлинно утверждать, что эти знаки использовались для разделения собственности – и это деяние Бошар приписывает Немвроду. Еще важнее, что факт использования вавилонянами героических символов означает, что из недр народа халдеев возникают новые нации, пребывающие в немоте друг в отношении друга: «...знаки в немые времена наций были вызваны великой необходимостью достоверно определить собственность; позднее такие знаки в мирные времена стали публичными знаками, и в этом – происхождение медалей; еще позднее, когда начались войны, они были приспособлены для Военных Знаков, последние обладают свойством своего первоначального назначения, так как войны ведутся по большей части между нациями разноязычными и, следовательно, как бы немыми по отношению друг к другу»⁴⁶.

Наряду с ограничительной и разделительной функциями, письменные символы постепенно приобретают и социально-экономическую функцию: «[медали –] то были первые знаки Народов, перешедшие отсюда на Военные знамена и, наконец, на Монеты, которые отмечают торговлю также и вещами благородными посредством пожалования»⁴⁷. Так новое, языческое человечество, живущее разного рода торговлей, неуклонно возрастало в Вавилонии, замещая собой синкретическую цивилизацию идолопоклонников-астрономов. Но влияние этой цивилизации распространилось также и на другие нации. И новая апория была рождена посреднической сущностью цивилизации халдеев – это двойственность начал человечности (*principia humanitatis*), характерная для соседствующих с ними народов. Где имел место первый удар грома? В последней версии «Новой науки...» Вико локализует это событие в Верхней Месопотамии, однако в ранних сочинениях он утверждает, что наидревнейший из Юпитеров происходил из Египта: «И представляется разумным в силу физических оснований допустить, что на протяжении долгого времени после потопа земля не испускала в воздух сухих испарений или огненных материй, из которых могли бы возникнуть молнии. И, чем ближе была какая-либо область расположена к экватору – как

⁴⁵ Вико 1994. С. 26.

⁴⁶ Там же. С. 187-188.

⁴⁷ Там же. С. 33.

Греция или Италия, – тем раньше или, наоборот, позже в ней начинались грозы. Итак, многообразие языческих народов берет начало от множества Юпитеров, древнейшим из которых был Юпитер Аммон в Египте⁴⁸.

Но что именно приводит в движение египетскую цивилизацию – раскаты грома, открывающие египтянам Юпитера-Аммона в неистовой ярости небес, или мирная рецепция допотопной мудрости и человечности через халдеев в силу их близости? Вспомним, что, согласно содержащейся в «Новой науке» аксиоме, «каждая языческая нация начинала со своего собственного Юпитера»; тогда древние египтяне оказались между традицией *древней мудрости* (*prisca sapientia*), восходящей к халдеям, и совершенно автономным событием «вмешательства Юпитера». Этот «двойной принцип человечности» в истории египтян является нам коллизией двух силовых линий истории наций и противопоставляет ритмы упадка цивилизации периодической структуре *corsi* и *ricorsi* – прогресса и упадка, периодически воспроизводящихся в историях разных цивилизаций.

Анализ библейской гигантологии и особой истории халдейской нации у Вико позволяет различить слабо прочерченную и в итоге почти забытую линию напряжения между священной и языческой ветвями истории в викианской истории наций. Наука Вико возникает как взаимодействие палимпсестов или отсеченных от целого и не дописанных до конца обрывков дискурсов, среди которых – протестантская экзегеза и историография традиции *prisca sapientia*. Гиганты Вико – переходные фигуры (“traduces”) между двумя версиями «геометрии» (название этой дисциплины у Вико становится символом логоцентрического, дискурсивного познания мира вообще): «чистой» геометрией евреев и «чувственной» геометрией остальных наций, между двумя антропологиями и между двумя способами вмешательства Провидения в историю. В этом контексте фигура вавилонского гиганта приобретает особый статус. Прибытие воинов, великана Немврода и его свиты, состоявшей из людей и *bestioni*, превращает магические письмена, достояние интеллектуальной элиты халдеев, в геральдические знаки, которые становятся чем-то вроде знамен в ходе гражданской войны (смешения языков) и, наконец, делаются основаниями новой, чисто языческой социальности, зиждущейся на *commertium* (общение / сношения / торговля) в самом широком смысле слова. Вмешательство Немврода становится фатальным для равновесия в халдейском обществе; точнее, безудержное нечестие Немврода уничтожает равновесие между философией (астрономией) и филоло-

---

⁴⁸ Egli sia ragionevole per fisiche ragioni che, dopo il Diluvio lunga età la terra non avesse mandato esalazioni secche ovvero materie ignite in aria ad ingenerarsi de'fulmini; e, come le regioni furono più vicine agli ardori dell'equinoziale, quale sono la Grecia, l'Italia, così più prestamente o più tardi vi avesse il cielo tuonato. Quindi tante nazioni gentili cominciarono dalle religioni di tanti Giovi, de'quali il più antico egli fu Giove Ammone in Egitto». – *SN* 1725. P. 55.

гией, основанное на воле. Немврод, гигант, которого едва коснулась *urbanitas*, сеет семена гражданской войны в обществе, находящемся ближе к «варварству рефлексии», чем к патриархальному «состоянию семей» (которое Вико отождествляет с естественным состоянием) и вводит это гибридное общество в историю *mondo civile* – гражданского мира.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Vico Дж.* Основания Новой Науки об общей природе Наций / Пер. с итал. и комм. А.А. Губера, общ. ред. и вст. ст. М.А. Лифшиц. М.; Киев: REFL-book, ИСА, 1994 / Viko Dzh. Osnovaniya Novoi Nauki ob obshchej prirode Natsii / Per. s ital. i komm. A.A. Gubera, obshch. red. i vst. st. M.A. Lifshits. M.; Kiev: REFL-book, ISA, 1994.
- Vico G.* De Constantia Jurisprudētis (Napoli, 1721, con postille autografe, ms. XIII B 62) / a cura e con introduzione di F. Lomonaco. Napoli: Liguori Editore, 2013.
- Vico G.* Correzioni, Miglioramenti, ed Aggiunte published in Scienza nuova 1730 / P. Cristofolini, M. Sanna (eds.). Napoli: Alfredo Guida Editore, 2004.
- Vico G.* Principi di una Scienza Nuova intorno alla natura delle nazioni per la quale si ritruovano i principi di altro sistema del diritto naturale delle genti (1725). Napoli: Diogene editore, 2014.
- Blackwell C.* Thales Philosophus: The Beginning of Philosophy as a Discipline // History and the Disciplines. The Reclassification of Knowledge in Early Modern Europe / Ed. by D.R. Kelley. N.Y.: The University of Rochester Press, 1997. P. 61–82.
- Bocharti S.* Geographia Sacra, cuius Pars prior Faleg de Dispersione Gentium & terrarum divisione facta in aedificatione turris Babel; Pars Posterior Chanaan De Coloniis & Sermone Phoenicum agit... Francofutri ad Moenum: Impensis J.D. Zunneri, Typis B. Ch. Wustii, MDCLXXXI. Praefatio. S.p.
- Grafton A.* Bring out your Dead. The Past as Revelation. Cambridge: Harvard UP, 2001.
- Mazzotta G.* La nuova mappa del mondo. La filosofia poetica di Giambattista Vico. Torino: Einaudi, 1999. P. 246–266.
- Models of the History of Philosophy. Vol. II: From the Cartesian Age to Brucker / Ed. by G. Piaia, G. Santinello. Dordrecht; Heidelberg; L., N.Y.: Springer, 2011.
- Momigliano A.* Vico's Scienza nuova: Roman 'Bestioni' and Roman 'Eroi' // History and Theory. 1966. Vol. 5. No. 1.
- Rossi P.* The Dark Abyss of Time: The History of the Earth and the History of Nations from Hooke to Vico. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Schmidt-Biggemann W., Stamm Th.* Jacob Brucker (1696–1770): Philosoph und Historiker der europäischen Aufklärung. Berlin: Akademie Verlag, 1998.
- Shalev Z.* Sacred Words and Worlds. Geography, Religion, and Scholarship, 1550–1700. Leiden: Brill, 2012.
- Shelford A.G.* Transforming the Republic of Letters. Pierre-Daniel Huet and European Intellectual Life 1650–1720. Rochester: University of Rochester Press, 2007
- Shelford A.G.* “Thinking Geometrically in Pierre-Daniel Huet’s ‘Demonstratio evangelica’” // Journal of the History of Ideas. 2002. Vol. 63. No. 4. P. 599–617.
- Smith É.-H.* Recherches sur la vie et les principaux ouvrages de Samuel Bochart. Caen, 1833.
- Sokolov P.V.* Giambattista Vico's *discreta domanda*: between Cartesian hypothesis, biblical demonstration, and mathesis politica // Investigations on Giambattista Vico in the Third Millennium. New Perspectives from Brazil, Italy, Japan and Russia / J.V. Ivanova, F. Lomonaco (eds.). Rome: Aracne editrice, 2014. P. 67–78.
- Stephens W.E.* “De historia gigantum’: Theological Anthropology before Rabelais” // Traditio. 40 (1984). P. 43–89.
- Stroumsa G.G.* A New Science. The Discovery of Religion in the Age of Reason. Harvard: Harvard UP, 2010.

Thornton H. State of Nature or Eden? Thomas Hobbes and His Contemporaries on the Natural Condition of Human Beings. Rochester: University of Rochester Press, 2005.

Иванова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева, доцент Школы исторических наук, доцент Школы филологии НИУ ВШЭ; jivanova@hse.ru

Соколов Павел Валерьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева, преподаватель Школы философии НИУ ВШЭ; psokolov@hse.ru.

The Jews and the Giants: Biblical events and versions of history

The article deals with the ways such 17th century authors as Isaac La Peyrère or Giambattista Vico envisaged the history of Jewish civilization. Focusing primarily on La Peyrère's "pre-damite" writings and the Vichian treatise *On the consistency of philology* (second part of *De constantia jurisprudentis*), we set ourselves the goal to point out the line of historical development located between two major tracks of the Vichian history of nations – that of the gentiles and that of the Jews. Our study made it possible to consider the Vico's science as resulting of an interaction of various disciplinary palimpsests and discursive splinters, cut short and not written to the end – Protestant exegesis or historiosophy of the *prisca sapientia* among them.

Keywords: Giambattista Vico, Samuel Bochart, Biblical exegesis, Baroque gigantology.

Julia Ivanova, PhD (Philology), leading researcher of the Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University – Higher School of Economics; jivanova@hse.ru

Pavel Sokolov, PhD (Philosophy) senior researcher of the Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University – Higher School of Economics; psokolov@hse.ru